

Корсиканский бандит / рассказ

Category: Nekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Корсиканский бандит / рассказ КОРСИКАНСКИЙ БАНДИТ

Дорога постепенно шла в гору среди Аитонского леса. Громадные ели простирали над нами свой стонущий свод и как бы без конца тянули горькую жалобу, а их тонкие прямые стволы справа и слева казались рядами органных труб, издававших однообразную мелодию ветра, звучащую в их вершинах.

К концу трехчасового пути сплошная стена этих высоких, перепутавшихся ветвями стволов стала просвечивать. Теперь местами попадались гигантские пинии. Они стояли в одиночку, раскрытые, как громадные зонтики, простирая свою темно-зеленую крону; и вот внезапно мы достигли границы леса, в нескольких метрах ниже ущелья, ведущего в дикую долину Ниоло.

На двух острых утесах, высящихся над этим проходом, стоит несколько уродливых, старых деревьев; они с трудом, казалось, взобрались наверх, подобно разведчикам, опередившим скученную позади толпу. Оглянувшись, мы увидели под нами весь лес: он был похож на громадную, наполненную зеленью чашу, замкнутую со всех сторон голыми вершинами, как бы упиравшимися в самое небо.

Мы снова тронулись в путь и через десять минут достигли ущелья.

И я увидел изумительную картину. Там, за другим лесом, оказалась долина, подобной которой я никогда не видывал: это была каменистая пустыня длиной в десять лье, между высокими, в две тысячи метров, горами, и на ней не видно было ни возделанного поля, ни деревца. Это Ниоло, родина корсиканской свободы, неприступная твердыня, из которой завоеватели никогда не могли вытеснить горцев. Мой спутник сказал мне:

– Тут же укрываются и все наши бандиты.

Скоро мы очутились на дне этой дикой, невообразимо красивой ложбины.

Ни травинки, ни растеньица: гранит, везде только гранит. Перед

нами, насколько хватало глаз, лежала сверкающая гранитная пустыня, раскаленная, как печь, лютым солнцем, будто нарочно подвешенным над этим каменным ущельем. Когда поднимаешь глаза к гребням гор, останавливаешься ослепленный, изумленный. Они кажутся красными, причудливо изрезанными наподобие кораллов, так как все вершины здесь из порфира, небо же над ними, обесцвеченное соседством этих необычайных гор, кажется фиолетовым, липовым. Ниже – искристо-серый гранит; под нашими ногами он словно истерт, истоптан, мы ступаем по блестящему порошку. Справа от нас, в длинной и извилистой расщелине, гремит и мчится шумный поток. Начинает кружиться голова от этого зноя и яркого света в жгучей, бесплодной, дикой долине, перерезанной оврагом, где бушует вода; она как будто торопится пронестись мимо, не имея сил оплодотворить эти скалы, затерянная в этой громадной печи, которая жадно впитывает воду, никогда не насыщаясь ею и не освежаясь.

Оправа от нас показался вдруг небольшой деревянный крест, вставленный в кучу камней. Тут, значит, кого-то убили, и я попросил своего спутника:

– Расскажите-ка мне о ваших бандитах.

Он начал:

– Я знавал самого знаменитого, самого ужасного из них – Санта-Лючия – и расскажу вам его историю.

Отца его, говорят, убил в ссоре один молодой человек из той же местности, и Санта-Лючия со своей сестрой остались сиротами. Это был слабенький, скромный юноша невысокого роста, частенько хворавший, очень нерешительный. Он не объявил вендетты убийце отца. Все родные приходили к нему, умоляя отомстить, но он оставался глух к их угрозам и мольбам.

Тогда, по старинному корсиканскому обычаю, возмущенная сестра отобрала у него черную одежду, чтобы он не смел носить траура по убитому, оставшемуся неотомщенным. Он отнесся безучастно даже к этому оскорблению и, вместо того, чтобы снять с крюка еще заряженное отцовское ружье, заперся и никуда не выходил, боясь презрительных взглядов местных парней.

Шли месяцы. Казалось, он даже забыл о преступлении и тихо жил в своем доме с сестрой.

В один прекрасный день тот, кого подозревали в убийстве, решил жениться. Санта-Лючия, казалось, это известие не взволновало; но жених, несомненно, желая бросить ему вызов, прошел на пути в церковь мимо домика сирот.

Брат и сестра, сидя у окна, ели жареные пирожки, и вдруг молодой человек увидел перед своим домом свадебное шествие. Он задрожал, встал, не говоря ни слова, перекрестился, снял ружье, висевшее над очагом, и вышел из дому.

Рассказывая об этом позже, он говорил:

– Не знаю, что со мной стряслось; словно огонь вспыхнул у меня в крови; я вдруг почувствовал, что должен так поступить, что никак не устою перед этим, и я спрятал ружье в лесной чаще по дороге в Корт.

Через час он вернулся с пустыми руками; у него был обычный грустный, усталый вид. Сестра решила, что он ни о чем больше и не помышляет.

Но с наступлением ночи он исчез.

Враг его должен был в ту самую ночь идти пешком в Корт с двумя друзьями.

Они шли с песнями по дороге, когда Санта-Лючия очутился перед ними; глядя убийце в лицо, он крикнул: «Час настал!» – и в упор прострелил ему грудь.

Один из друзей убитого бежал, другой глядел на молодого человека и твердил:

– Что ты сделал, Санта-Лючия!

Затем он хотел было бежать за помощью в Корт. Но Санта-Лючия крикнул:

– Если ты сделаешь еще хоть шаг, я раздроблю тебе ногу!

Тот, зная его как человека робкого, ответил: «Не посмеешь!» – и пошел вперед. Но тотчас же упал с раздробленным пулей бедром.

Санта-Лючия подошел к нему и сказал:

– Я осмотрю твою рану; если она не опасна, я тебя оставлю здесь, если же смертельна, прикончу тебя.

Он осмотрел рану, решил, что она смертельна, не торопясь снова зарядил свое ружье, предложил раненому прочесть молитву и раздробил ему череп.

На другой день он был в горах.

И знаете ли, что сделал затем этот Санта-Лючия?

Вся его родня была арестована жандармами. Его дядя-священник, которого заподозрили в подстрекательстве к мести, был посажен в тюрьму по обвинению родственников покойного. Но он бежал, захватив с собою ружье, и присоединился к племяннику в маки.

Тогда Санта-Лючия убил одного за другим обвинителей своего дяди и выколол им глаза, чтобы научить других никогда не утверждать того, чего они не видали своими глазами.

Он убил всех родных своего врага и всех друзей его семьи. Он убил на своем веку четырнадцать жандармов, сжег дома своих противников и был до самой смерти самым ужасным бандитом из тех, о ком сохранилась память.

Солнце исчезло за Монте-Чинто, и громадная тень от гранитной горы легла на гранит долины. Мы ускорили шаги, чтобы добраться к ночи до деревушки Альбертачче, которая казалась грудой камней, сливавшихся с каменными стенами дикого ущелья. И, раздумывая о бандите, я сказал:

– Что за ужасный обычай эта ваша вендетта!

Но спутник мой возразил тоном покорности судьбе:

– Что делать, приходится исполнять свой долг!

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 25 мая 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Вендетта – распространенный на Корсике старинный обычай кровной мести.

Маки – непроходимые заросли кустарника, в которых находили себе убежище корсиканские бандиты; в годы Сопротивления (1940-1944) слово «маки» стало обозначать французских партизан, боровшихся против гитлеровских оккупантов.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10. Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958

Перевод Н.Гарвея Neкаýalar